

СОЦИОЛОГИЯ И ЖИЗНЬ

DOI: 10.17805/zpu.2025.3.10

Культура сопротивления в блокадном Ленинграде в 1941–1944 годах с позиции теории самоорганизации — синергетики

Э. Ф. МАКАРЕВИЧ

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье с позиции теории самоорганизации сделана попытка анализа культуры сопротивления в блокадном Ленинграде, практика которого была осуществлена советским руководством города в период с августа 1941 по январь 1944 г. Самоорганизация, или синергетика, как теория позволяет на основе системного подхода анализировать исторические события, определять эффективность управления социальными процессами в критической ситуации. Системный подход предполагает анализ связей между элементами социального процесса, что дает возможность выявить совершенно новый эффект управления.

Ключевые слова: теория самоорганизации; синергетика; блокадный Ленинград; синергетический фактор; фактор Цигельмайера; фактор лидера; ленинградский народ

ФАКТОР ЦИГЕЛЬМАЙЕРА

ПРОТИВ ЛЕНИНГРАДА

Время, переживаемое страной летом 1942 г., дышало катастрофой, начиная с того момента, когда вся отлаженная германская военная машина 22 июня 1941 г. ринулась на нашу территорию, безжалостно и кроваво перемалывая все на своем пути к Москве, Ленинграду и Киеву.

Красная армия сопротивлялась, где-то стойко, где-то бездарно, но отдавала территорию за территорией. Уже 27 июня пал Минск — столица Белоруссии. Солдаты не могли смотреть в глаза людям, которые с безнадежной тоской переживали их отступление. У сопротивляющейся и одновременно отступающей армии рушилась система управления, что вело к окружению дивизий и корпусов, а потом и к пленению десятков, а то и сотен тысяч солдат.

Неимоверными усилиями командующих, самопожертвованием бойцов и командиров немецкую военную машину удалось остановить под Москвой, а потом отбросить на 130–200 километров. Это после пяти месяцев непрерывных, кровавых боев. Но Киев, столицу Украины, пришлось отдать.

Под Ленинградом немцев удалось остановить именно в тот момент, когда они окружили город. Это окружение скоро превратилось в блокаду, которая длилась 872 дня. Цена блокады, которую считают с 8 сентября 1941 г. по 27 января 1944 г., — от голода, холода, бомбежек и артобстрелов погибли, по разным данным, от 600 тыс. до 1,5 млн жителей Ленинграда (Число погибших в блокаду Ленинграда ... , 2022: Электронный ресурс).

Ленинград сильно впечатлил и немцев, и наших союзников — Англию и Соединенные Штаты Америки, да и наше политическое и военное руководство. Впечатлил волей к сопротивлению и населения города, и защитников его. Если уже в сентябре 1941 г. армиям фельдмаршала фон Лееба удалось окружить Ленинград, то войти в него немцы так и не смогли. Город был в блокаде, но держался. В самые критические месяцы зимы 1941–1942 гг. — 125 грамм хлеба в день на человека и никакой больше пищи, потом было 150, и даже 250 грамм (Адамович, Гранин, 2020: 79), но тоже «смертельные» нормы, и к ним иногда (иногда!) немного иной пищи. При этом жизнь в домах без воды в кранах, без канализации, без тепла, без света. Стоит вспомнить приказ Гитлера о том, чтобы «сравнять Ленинград с землей», в котором были такие слова: «Мы не заинтересованы в том, чтобы сохранить даже часть населения этого огромного города» (цит. по: Верт, 1967: 256).

Чтобы ускорить вымирание города и точно установить момент прорыва ленинградской обороны (гитлеровцы не расставались с этой идеей почти до конца 1943 г.), немецкие стратеги из Генерального штаба обратились к профессору Цигельмайеру, заместителю главного интенданта гитлеровской армии. Это был специалист высокого класса по питанию воюющих солдат. Не зря он возглавлял целый пищевой институт в Мюнхене. И профессор взялся за дело. Он рассчитывал калории и советовал, как эффективно убивать голодом. Он сидел в штабе у Лееба, и ему каждый день давали разведывательные сводки снабжения хлебом населения Ленинграда и защищающих его частей армии и флота. Ему сообщали, сколько осталось продовольствия и сколько живых людей в городе на данный день. Его расчеты строились из ответов на вопросы, которые он сам себе задавал: сколько могут продержаться ленинградцы при изменяющихся нормах выдачи хлеба и некоторых иногда появляющихся продуктов, как долго люди будут умирать и когда вымрут окончательно?

Именно Цигельмайера с его расчетами имел в виду Геббельс, когда писал в своем дневнике 10 сентября 1941 г.: «Мы в дальнейшем не будем утруждать себя требованиями капитуляции Ленинграда. Он должен быть уничтожен почти научно обоснованным методом» (цит. по: Ржевская, 1994: 316).

Но время шло, хлебные нормы скукоживались, а люди не сдавались. Они влачили жалкое существование, но жили, действовали и работали. Прежде чем попытаться понять, как такое могло быть, скажу, что эту историю с Цигельмайером нашли Даниил Гранин и Алесь Адамович, написавшие «Блокадную книгу», вышедшую в 1982 г.

После войны Цигельмайер встретился с Алексеем Дмитриевичем Беззубовым, офицером советской военной администрации в Германии, а в дни блокады Ленинграда — заведующим отделением научного института, которому городская власть поручила тогда организовать изготовление хвойной настойки, чтобы не допустить авитаминоз у населения в блокадном городе.

Вот что говорил тогда Цигельмайер Беззубову:

«Как же вы выдержали?! Как вы выдержали?! Как вы могли? Это совершенно невозможно! Я писал справку, что люди на таком пайке физически не могут жить. И поэтому не следует рисковать немецкими солдатами. Ленинградцы сами умрут, только не надо выпускать ни одного человека через фронт. Пускай их останется там больше, тогда они скорее умрут, и мы войдем в город совершенно свободно, не потеряем ни одного немецкого солдата... Я все-таки старый пишевик. Я не понимаю, что за чудо у вас там произошло?» (Адамович, Гранин, 2020: 76).

В самом деле, почему ленинградцы не сдавались, даже умирая? Почему люди сопротивлялись?

Человеку нужно минимально 2 тыс. калорий в сутки, чтобы согреться, чтобы ноги переставлять, чтобы думать и что-то делать в рамках той системы, в которую человек включен. Цигельмайер, конечно, был материалистом. И как материалист он считал, что не дух, не идейность, не вера дают эти 2 тыс. калорий, а какая-то еда. Еда дает энергию организму. Но его расчеты показывали, что в Ленинграде еда не давала людям эти 2 тыс. калорий. Чем же они восполнялись, эти недостающие калории?

ТЕОРИЯ САМООРГАНИЗАЦИИ И КУЛЬТУРА СОПРОТИВЛЕНИЯ В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ

Если понимать культуру как духовное измерение той или иной деятельности людей, которое выражается определенными смыслами, ценностями, образами и моделями поведения, движимого волей людей, то в этом и есть сущность культуры сопротивления. Противостояние фактору Цигельмайера в культуре сопротивления возьмемся исследовать, исходя из теории социальной самоорганизации, в развитие которой внесли свой вклад академик Н. Н. Моисеев, академик А. А. Самарский, член-корреспондент Академии наук С. П. Курдюмов (в свое время директор Института прикладной математики имени М. В. Келдыша), член-корреспондент Академии наук В. В. Иванов, доктор физико-математических наук, профессор Г. Г. Малинецкий. Опираясь на работу последнего из этой плеяды ученых — «Императивы развития России. Стратегические вызовы и их преодоление в контексте самоорганизации» издания 2024 г., — попытаемся проанализировать культуру сопротивления в контексте вызовов и угроз, стоявших перед блокадным Ленинградом.

Важнейший вывод из теории социальной самоорганизации, или синергетики, в формулировке Г. Г. Малинецкого заключается в том, что в результате развития системного подхода «связи между элементами играют не меньшую, а иногда и намного большую роль, чем сами отдельные элементы» (Малинецкий, 2024: 176). Именно синергетика «рассматривает системы, объекты, процессы, механизмы, связанные с «появлением у целого свойств, которыми не обладает ни одна из частей» (там же: 264). Когда синергетика входит в массовое сознание, она устанавливает порядок в обществе, который определяется уровнем самоорганизации и стратегией ее использования, что заставляет людей гибко взаимодействовать в массовом масштабе.

Запустить процесс самоорганизации в таком виде, который стимулировал бы определенный порядок в «блокадном» обществе и вынудил бы людей гибко взаимодействовать для поддержания своих жизненных сил, оказалась способной система управления, которая сложилась на тот момент в блокадном Ленинграде.

Здесь нужно обратиться к действиям власти в городе, к системе управления в городе, к связи между властью и населением, к организации жизни в тех условиях; к поведению людей, к работе, которую выполняли люди; к национальному характеру, к психологии, к тому, что говорили людям и как с ними говорили; и все-таки к вере. Всё вместе — это была культура сопротивления, эффективность и сила которого определялась анализом системных процессов на основе теории социальной самоорганизации. Неотъемлемой частью культуры сопротивления и системы управления в городе стала так называемая ценная информация — понятие, которое ввел профессор Д. С. Чернавский, развивавший идеи теории самоорганизации (Чернавский, 2021). В интерпретации Г. Г. Малинецкого «ценная информация — это сведения, которые помогают выжить... это может быть язык, приверженность к определенной религиозной идеологии...», «...идеология — консервативная, либеральная, или социалистическая» (цит. по: Малинецкий, 2024: 181). Это сегодняшнее определение «ценной информации», опрокинутое в прошлое, дает возможность понять модель конкуренции носителей разных видов ценной информации.

Модель системы управления, сложившаяся в блокадном Ленинграде, держалась как на силе власти, действовавшей тоже в условиях ограничения пищи и тепла, так и на «ценной информации», которой была идеология и которой власть оперировала. Сила власти в городе, на предприятиях, в научных институтах, учреждениях проявлялась в том, что власть постоянно ставила задачи — сделать то и то. И занималась организацией выполнения этих задач. Насколько эта организация была эффективной, настолько люди находили в себе силы сосредоточиться на выполнении плана дня, недели, месяца. За невыполнение — спрашивали, и спрашивали строго. В какой-то мере это было насилие, но чувство ответственности сдерживало чувство неистового голода. А если не сдерживало? Председатель Ленсовета П. С. Попков писал о такой ситуации в своей справке о положении в блокадном Ленинграде: «Осужденные за прогул получают хлеба на 100 граммов меньше в день, а иждивенцы и не желающие работать — не получают жиров и мяса» (Справка П. С. Попкова ... , 2019: 624).

Городская власть стимулировала ситуацию, когда люди в учреждениях и на предприятиях объединялись для совместного проживания и для совместной работы, переходили на казарменное положение — общее помещение, общее тепло, общий быт, общая еда. Даже жившие в квартирах объединялись, сселялись в одну комнату — по две, три семьи, или переезжали к родным и близким. Тепло и помощь становились рядом, взаимодействовали друг с другом, пробуждали сильное чувство товарищества. Своеобразный «синергетический» подход. Сообща было легче организовать жизнь. Наиболее крепкие пилили и кололи дрова, расчищали снег, из снега делали воду. Они же, те, которые держались, тормозили слабых, заставляли обессиленных двигаться и выходить на воздух. Среди выживших было больше тех, кто был на казарменном положении, в коллективе. У этого коллективного появлялись жизнеутверждающие свойства, которых не было у отдельного человека как части целого, что следовало из принципов самоорганизации. Это была ситуация, когда связи между элементами играли большую роль, чем сами элементы, — в соответствии с одним из принципов самоорганизации.

Более всего помогала держаться работа, которую нужно было выполнять, хотя бы из последних сил. Работа как часть самоорганизации, самоконтроль как воле-

вое усилие душили мысли о еде, которые были невыносимы. Но город жил, ремонтировал оружие, создавал новые системы вооружения, делал патроны и мины, типографии печатали газеты и листовки, работали библиотеки, поликлиники, в научных институтах ученые вели исследования и писали научные статьи.

А что люди ели помимо хлеба в 125–250 грамм на человека? Вот каким было меню работников одного из цехов военного завода в начале июня 1942 г., которое сохранила блокадница Мария Андреевна Сюткина и передала его Даниилу Гранину для «Блокадной книги»:

Щи из подорожника,
Пюре из крапивы и щавеля,
Котлеты из свекольной ботвы,
Биточки из лебеды,
Шницель из капустного листа,
Печень из жмыха,
Соус из рыбнокостной муки,
Оладьи из казеина (вещество, из которого делали клей. — Э. М.),
Суп из дрожжей,
Соевое молоко (по талонам)

(Адамович, Гранин, 2020: 148–149).

Питание в соответствии с этим меню давало энергию для жизни на грани 2000 и менее калорий. Но параллельно среди населения распространялась «ценная информация», модель которой, согласно концепции Д. С. Чернавского, складывалась из конкуренции носителей разных видов ценной информации. Прежде всего стоял вопрос идеологии и веры — светской и религиозной. В качестве конкурирующих за влияние носителей ценной информации среди светских проповедников были выдающиеся публицисты, литераторы, поэты, композиторы, которые выступали в ленинградской газете, по ленинградскому радио, иногда просто в коллективах людей, — Анна Ахматова, Ольга Берггольц, Николай Тихонов, Вера Инбер, Вера Кетлинская, Всеволод Вишневский. Выдающийся композитор Дмитрий Шостакович, написавший в блокадном Ленинграде Седьмую симфонию, создал произведение выдающейся эмоциональной силы.

Среди проповедников словом образец такой «ценной информации» — фрагмент текста «Крепость России», написанного выдающимся советским публицистом Ильей Эренбургом 22 июня 1942 г.

«Ленинград больше Ленинграда. Ленинград — это Россия. Здесь впервые русский народ выпрямился во весь рост. Здесь избяная Русь стала державой. <...> Россия проснулась и двинулась к морю. Так вырос Петербург. В нем много камня, и люди в нем крепкие как камень. В нем слышен запах моря, и люди в нем смелые как моряки. Город шел впереди страны, дважды с него началась наша история: при Петре, при Ленине. Это город ученых, мозг страны. Это город Пушкина, Гоголя, Достоевского, и нет в мире человека, который не знал бы, что такое Невский проспект. Это город путиловцев, город, где Ленин говорил с рабочими и где пушки “Авроры” говорили с веками. Это самый прекрасный город мира, и построить такой город мог только великий народ. <...> Немцы особенно ненавидят Ленинград. Для них этот город — символ русской мощи. Никто никогда Ленингра-

да не завоевывал. Из Петербурга русские диктовали мирные условия побежденному Берлину. В Петербург приезжали немецкие колбасники и немецкие парикмахеры, кормились с русского стола. Но когда в восемнадцатом году на Петроград двинулись немецкие генералы, рабочие Петрограда их встретили хорошим пулеметным огнем. <...> Немцы захотели отомстить Ленинграду. Они ранят его изумительные памятники. Они убивают его женщин и детей. Они стараются задушить неукротимый город. Но Ленинград не один. С Ленинградом — Россия» (Эренбург, 2004: 238–239).

Духовную силу влияния «ценной информации», которую определяли в блокадном Ленинграде писатели, поэты, публицисты, отметила в своем дневнике Ольга Берггольц. Ее запись от 13 мая 1942 г. — уникальный документ, и привожу его полностью:

«Сегодня я могла бы написать — “о вчерашнем моем выступлении говорит весь город”... Это, конечно, не так, но только в одном Радиокomiteе я выслушала сегодня столько признаний, благодарностей и трогательнейших слов — от знакомых и незнакомых людей. Какая-то страшная пожилая женщина говорила мне: “Знаете, когда заедает обывательщина, когда чувствуешь, что теряешь человеческое достоинство, на помощь приходят ваши стихи. Они были для меня как-то всегда вовремя. В декабре, когда у меня умирал муж, и, знаете, спичек, спичек не было, а коптилка все время гасла, и надо было подталкивать фитиль, а он падал в баночку и гас, и я кормила мужа, а ложку-то куда-то в нос ему сую — это ужас, — и вдруг мы слышим ваши стихи. И знаете — легче нам стало. Спокойней как-то. Величественнее... И вот вчера — я лежу, ослабшая, дряблая, кровать моя от артиллерийской трясоты трясется, — я лежу под тряпками, а снаряды где-то рядом, и кровать трясется, так ужасно, темно, и вдруг опять — слышу ваше выступление и стихи... И чувствую, что есть жизнь”. И еще — такие же отзывы, письма. А это ведь и в самом деле грандиозно: ленинградцы, масса ленинградцев лежит в темных, промозглых углах, их кровати трясутся, они лежат в темноте, ослабшие, вялые (Господи, как я по себе знаю это, когда лежала без воли, без желания, в ПРОСТРАЦИИ (выделено автором дневника. — Э. М.), и единственная связь с миром — радио, и вот доходит в этот черный, отрезанный от мира угол — стих, мой стих, и людям на мгновение в этих углах становится легче — голодным, отчаявшимся людям. Если мгновение отрады доставила я им — пусть мимолетной, пусть иллюзорной, — ведь это не важно, — значит, существование мое оправдано» (Берггольц, 2010: 102–103).

Люди Ленинграда верили, что Ленинград немцам не отдадут, что гитлеровцев передушат, и время такое настанет. Ненависть к немцам вселяла силы. Устоял бы Ленинград, если бы его людям было все равно — выживут ли они, или нет, победим немца или нет? С каждым днем блокады рос местный патриотизм, как любовь к городу с великой историей и великой культурой, которую враг стремился уничтожить. Этот патриотизм делал осмысленной стойкость ленинградцев. Ибо в ней был ответ на вопрос: во имя чего?

В критические моменты блокадной жизни многие люди мысленно предпочитали смерти в немецкой неволе — жизнь или смерть в родном, любимом и непокоренном городе.

Можно ли было измерить силу сопротивляющихся людей в блокадном Ленинграде? Если следовать правилу Льва Толстого, изложенному в романе «Война

и мир»: сила войска зависит от его духа, от умножения массы войска на его дух, то сила сопротивляющихся ленинградцев зависела от их духа, умноженного на число деятельных людей в городе. При этом Толстой считал, что если люди по состоянию своего духа не хотят или не могут воевать стойко и самоотверженно, то никакие меры не заставят их это сделать. Поэтому люди в Ленинграде должны были хотеть сопротивляться во имя своей семьи, своих детей, своих родных и близких, во имя своих соотечественников, в конце концов, во имя города Ленинграда, в котором они жили. Они должны были проникнуться этим. В этом была их моральная сила. Вызвать эту силу можно было, вселяя в людей, в каждого человека желание сопротивляться, которое держалось на ненависти к врагу, стоявшему у стен Ленинграда. Это желание стимулировало личную инициативу в борьбе за организацию жизни и ответственность за дело, которое человек выполнял в нечеловеческих условиях блокады.

В конце концов, даже прагматичный немец, материалист Цигельмайер насконце лет понял, чем ленинградцы добивали до двух тысяч калорий в день — эмоциональной энергией, источником которой была сила духа.

ЛИДЕР В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ САМООРГАНИЗАЦИИ

Эффективность процесса социальной самоорганизации неразрывно связана с деятельностью лидера, стоящего во главе этого процесса. Сила этой взаимосвязи определяет ценность лидера, его поведение в точке бифуркации системы, когда необходимо сделать окончательный выбор пути дальнейшего развития этой системы, что в дальнейшем обеспечивает эффективность процесса самоорганизации. Поведение лидера здесь прежде всего зависит от его интеллектуальных качеств и воли. А управление процессом самоорганизации системы, с моменты выхода из точки бифуркации, потребует от лидера таких качеств, как способность определять цель и горизонт прогноза; как следование принципу справедливости (быть во власти не ради власти, а ради общественных интересов); как способность взять на себя всю ответственность за результат процесса и работать с созданной надежной командой ярких, талантливых единомышленников.

Лидером Ленинграда в годы блокады был Андрей Александрович Жданов, человек энергичный, волевой и интеллектуально одаренный, происхождения дворянского, отец его при царском режиме служил инспектором народных училищ. В 1930-е гг. восходящая звезда в большевистской элите Жданов был близок к Сталину. И тот в 1938 г. доверил ему руководство партийной организацией Ленинграда. Жданов, возглавив Ленинградский областной и городской комитеты партии, стал лидером этого огромного города с населением более 3 млн человек и Ленинградской области. В городе, который был колыбелью социалистической революции 1917 г., в городе великой истории, культуры, передовой науки и промышленности Сталину был нужен именно такой человек, который мог бы обеспечить управляемое развитие этой бывшей столицы императорской России.

С началом войны Жданов принимает целый ряд организационных решений и организационных мер в городе и области: мобилизация в регулярную Красную армию, создание народного ополчения, создание системы оборонительных сооружений вокруг Ленинграда, переход города на выпуск военной продукции, эвакуация некоторых предприятий вглубь страны. Через девять дней после начала войны

были эвакуированы сокровища Эрмитажа: статуи, предметы искусства, картины Рембрандта, Леонардо да Винчи, Рафаэля, Тициана, Джорджоне, Рубенса, Ван Дейка, Мурильо, Веласкеса, Эль Греко; музейная коллекция алмазов, царских бриллиантов, драгоценных камней.

30 июня 1941 г. был образован чрезвычайный государственный орган СССР — Государственный комитет обороны (ГКО), сосредоточивший в годы войны всю полноту власти в стране. И Жданов создает в городе Военный совет обороны Ленинграда, своего рода локальный центр власти, отчасти копирующий ГКО. Это вызывает недовольство Сталина, и он 22 августа 1941 г. вместе с В. М. Молотовым и А. И. Микояном ведет в чрезвычайно резком тоне переговоры с К. Е. Ворошиловым — главнокомандующим войсками, обороняющими Ленинград, и А. А. Ждановым, членом Военного совета фронта, первым секретарем Ленинградского обкома партии: «Вы создали Военный Совет обороны Ленинграда. Вы должны понимать, что Военный Совет может создать только Правительство или по его поручению Ставка. <...> В Военный Совет обороны Ленинграда не вошли ни Ворошилов, ни Жданов. Это неправильно и даже вредно политически. Рабочие поймут это дело так, что Жданов и Ворошилов не верят в оборону Ленинграда, умыли руки и поручили оборону другим нижестоящим, это дело надо исправить. <...> Мы требуем, чтобы Ворошилов и Жданов безусловно сообщали бы нам о своих планах операций. Они этого не делают, к сожалению, стали на путь непонятной нам самостоятельности и допускают ошибки, которые отражаются на качестве обороны Ленинграда. <...> У нас нет гарантии, что вы опять не надумаете чего-либо такого, что не укладывается в рамки нормальных взаимоотношений. Вы ввели выборное начало в рабочие батальоны, мы с этим мириться не можем... Вы просто неорганизованные люди и не чувствуете ответственности за свои действия, ввиду чего и действуете как на изолированном острове, ни с кем не считаясь» (Запись переговоров по прямому проводу И. В. Сталина ... , 2019: 89, 91).

Ворошилов и Жданов, конечно, соглашались с чрезвычайной критикой Сталина, объясняют подоплеку своих решений и готовы работать над исправлением допущенных ошибок. Но они не соглашались с тональностью состоявшихся переговоров и дают понять, что совершенно неправильно упрекать их в том, что они не чувствуют ответственности в деле руководства обороной Ленинграда: «Что касается вашего опасения о том, что мы можем еще что-либо такое надумать, что не укладывается в рамки нормальных взаимоотношений, то мы, Ворошилов и Жданов, не совсем понимаем, в чем нас упрекают, что мы сделали такого, что могло послужить столь тяжкому обвинению» (там же: 91).

Уже тогда Жданов придавал большое значение не столько формальным руководящим органам, сколько своим верным соратникам (фактор окружения лидера): прежде всего секретарю горкома партии А. А. Кузнецову, председателям исполкомов городского и областного советов П. С. Попкову и Н. В. Соловьеву. Это были люди его команды, и это давало повод Сталину уличить Жданова в некой самостоятельности, независимости. Кроме того, Жданов создает на уровне районов города и области комиссии, рабочие группы с чрезвычайными полномочиями, для решения производственных и оборонных вопросов и жизни населения.

Этими действиями Жданов показал, что возлагает на себя всю ответственность за город (фактор ответственности), и соединяет свою судьбу с судьбой города, в котором была создана локальная система управления под руководством лидера

практически с диктаторскими полномочиями. В своей справке от 6 апреля 1944 г. о положении в Ленинграде в годы блокады председатель Ленсовета П. С. Попков пишет: «Централизация руководства хозяйственной жизнью сочеталась с активизацией низовых звеньев, в частности низовых советских органов — Районных Советов, их роль и значение возросли в сравнении с довоенным временем, в особенности в условиях прекращения централизованного обеспечения города электроэнергией и топливом и необходимости всемерного изыскания и мобилизации ресурсов на месте и использования при недостатке рабочей силы для решения срочных вопросов сил населения района» (Справка П. С. Попкова ... , 2019: 634). И к этому добавлю: «Выпуск валовой продукции за 1942 г. (в неизменных ценах) свыше 400,0 млн руб., а в 1943 г. местная государственная промышленность увеличила выпуск продукции в 2 раза, кооперативная — на 40% к 1942 г.» (там же: 626).

В конце августа — начале сентября 1941 г. на фронте под Ленинградом сложилась критическая обстановка. Войска группы «Север» фельдмаршала фон Лееба неумолимо сжимали кольцо вокруг города, и казалось, что остановить их было невозможно. Командующий Ленинградским фронтом маршал К. Е. Ворошилов, герой Гражданской войны, верный соратник Сталина, использовал все возможности, но стабилизировать фронт и переломить сложившуюся ситуацию не мог. Положение Ленинграда становилось катастрофическим. Город подошел к точке бифуркации, в которой должна была определиться его дальнейшая судьба: отстаивать Ленинград или готовить город к сдаче.

В один из дней первой декады сентября в Смольном шло заседание Военного совета фронта, которое вел Ворошилов и в котором участвовали Жданов, Кузнецов, Попков. Рассматривался вопрос об уничтожении важнейших объектов города и подготовке к взрыву боевых кораблей Балтийского флота. По сути, речь шла о сдаче города. Внутренне Жданов противился такой постановке вопроса, но аргументов против позиции Ворошилова у него не было. В это время Ставка Верховного командования назначила командующим Ленинградским фронтом Г. К. Жукова, который прибыл в Ленинград 13 сентября и появился на этом заседании Военного совета фронта в Смольном. Это заседание он предложил закрыть, добавив, что никаких разговоров впредь о сдаче города не вести, а сделать все, чтобы «защитить Ленинград до последнего человека!» (Карпов, 1994: 352).

Дилемма, стоявшая перед руководителями города, и прежде всего перед Ждановым, тогда, в сентябре 1941 г., с назначением Жукова командующим Ленинградским фронтом решилась однозначно — город надо отстоять, город не сдастся, город будет сопротивляться. Для этого надо было усилить дух войска, обороняющего город, усилить убежденность населения самого Ленинграда в сопротивлении. Но в этой точке бифуркации Жданов решал и свою личную дилемму: или просто следовать указаниям Государственного комитета обороны и Сталина как Верховного главнокомандующего и четко их выполнять, либо следовать этим указаниям, проявляя опережающую инициативу, накаляя энергию действия, заражая этой энергией души подчиненных и население города, что Сталин назвал самостийностью. Жданов выбирает второе.

Но всю полноту ответственности за судьбу Ленинграда и за свою судьбу тоже Жданов ощутил, когда 17 сентября 1941 г. он и Жуков поставили рядом свои подписи под боевым приказом войскам Ленинградского фронта, в котором были такие

строки: «Учитывая особо важное значение в обороне южной части Ленинграда рубежа Лигово... Колпино, Военный совет Ленинградского фронта приказывает объявить всему командному, политическому и рядовому составу, обороняющему указанный рубеж, что за оставление без письменного приказа Военного совета фронта и армии указанного рубежа все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу» (там же: 362).

В воспоминаниях главного маршала авиации А. Голованова ситуация тех дней выглядела так: «Известно, что в 1941 году под Ленинградом создано исключительное тяжелое положение. <...> В сентябре 1941 года Ставка направила туда Г. К. Жукова. Разобравшись в сложившейся обстановке, Жуков объявил войскам, что им сформированы пулеметные роты, и что любой отходящий с фронта без письменного приказа будет немедленно расстрелян. В первый день после этого поплатился батальон, во второй — рота, а на третий день фронт стабилизировался. Такова реальность на войне. <...> Жуков избрал именно это, с его точки зрения, наиболее эффективное средство и добился в короткий срок стабилизации фронта» (Голованов, 2022: 279).

Жданов стал настоящим лидером, когда поставил подпись рядом с подписью Жукова в документе, где говорится о расстреле бегущих с линии огня. Тем самым он разделил ответственность за Ленинград вместе с Жуковым. Рядом с Жуковым Жданов в те же дни приходит к пониманию того, что Ленинград должен выстоять любой ценой. Только Жданов с его властным, волевым характером мог выдержать чудовищный груз этой ответственности, инициативы, организационной работы, а также и просчетов, совершенных им в блокадном Ленинграде.

Что касается просчетов, то к середине сентября 1941 г., когда замкнулось кольцо блокады, в городе с учетом пригородных районов оставалось около 3 млн жителей, которых нужно было еще и прокормить (Павлов, 1961: 59–60). Уполномоченный ГКО по обеспечению населения города и войск фронта продовольствием Д. В. Павлов отмечал: «Нужны были крутые административные меры, чтобы люди покинули город... Однако к таким мерам прибегали весьма осторожно» (там же). Здесь нужно говорить не столько о недостатке решительности у Жданова, сколько о неадекватности его в данной ситуации. Тормозила принятие жестких решений именно неадекватность, горизонт прогноза развития событий был крайне узок — полтора-два месяца. Не было еще приобретено мужества смотреть правде в глаза — за это время блокада снята не будет.

Катастрофическим просчетом оказалась ситуация с Бадаевскими складами, где хранились запасы продовольствия для города. 8 сентября немцы нанесли мощный бомбовый удар по этим складам, сгорели тонны муки, сахара, масла, мяса и других продуктов. В этот день стало понятно, какую ошибку совершила власть, сосредоточив запасы продовольствия в одном месте, в деревянных помещениях, не обеспечив меры противопожарной безопасности. Город можно было спасти от голода только введением чрезвычайных мер учета, экономии и железного контроля за распределением продовольствия, оставшегося в городе, сохранения его от жуликов и воров. Жданов прекрасно понимал, что эти меры нужно было вводить железной рукой. Персональную ответственность за реализацию этих мер Жданов возложил на председателя Ленсовета П. С. Попкова.

В блокадном Ленинграде власть — это Жданов. И власть понимала, что выстоять можно, если будет создан надежный путь, по которому в город будет посту-

пать продовольствие, топливо и сырье. Жданов принимает решение об организации ледового пути через Ладожское озеро и мобилизует силы и средства на его строительство. К началу февраля 1942 г. трасса начала действовать: это были несколько ледовых дорог, по которым грузовики доставляли в Ленинград продовольствие, а возвращаясь обратно, вывозили из города тысячи жителей, прежде всего детей, больных и обессиленных. «Дорога жизни», как называли эту ледовую трассу, требовала постоянного контроля, поддержки, ремонта и защиты с воздуха. По сути, это было функционирующее в условиях жестоких бомбардировок и артобстрелов предприятие, работу которого нужно было ежедневно поддерживать, чтобы грузовики с продовольствием могли в целости дойти до города; предприятие, на котором почти каждый день погибали люди. К июню 1942 г. по дну Ладожского озера проложили бензопровод для обеспечения города горючим. Так было выполнено постановление Государственного комитета обороны, что дало возможность обеспечить город бензином для автомобилей, авиабензином, керосином, дизельным топливом. В летний период использовались суда, доставлявшие в Ленинград продовольствие, топливо и боеприпасы. Суда, которые нещадно бомбили. А когда в мае 1942 г. восстановили Волховскую гидроэлектростанцию, то по дну озера проложили электрокабель для обеспечения Ленинграда электроэнергией. Все это позволяло городу держаться, работать, выдавать продукцию, обеспечивать армию.

Про Ленинград нельзя было сказать: в блокаду он выживал. Он действовал, воевал и обеспечивал фронт работ: строительных, производственных, оборонных, научно-исследовательских. Обеспечивал в том числе и энергией власти. Ленинградские заводы ремонтировали корабли Балтийского флота, выпускали военную продукцию, которая шла не только Ленинградскому фронту, но и на «Большую землю», за блокадное кольцо. На ленинградских предприятиях ремонтировали танки, делали минометы и пушки, ручные гранаты и детонаторы для противотанковых мин, которые были лучшие из всех, что производились в стране. В блокаду в конструкторских бюро Ленинграда были созданы радиолокаторы для самолетов, системы разведки и наведения на цель, армейские радиостанции, чье производство стало серийным. В Институте вакцин и сывороток был создан так называемый противодезинтерийный бактериофаг, который начали массово производить. В декабре 1941 г. Ленинградский горком партии принимает решение, касающееся работы советов по защите диссертаций: в условиях блокады «не допускать либерализма при оценке научных работ» (Солсбери, 1993: 515).

Жданову удалось выстроить управленческую и духовную коммуникацию между партийной властью и коллективами людей (именно коллективами), которые на грани возможного (образно говоря, на грани 2000 калорий) — трудились, учились, устраивали свой быт. А для разрешения чрезвычайных жизненных ситуаций, прежде всего связанных с людьми, оказавшимися в одиночестве, были созданы отряды спасения — бытовые отряды из комсомольцев (членов коммунистического союза молодежи), которые спасали таких людей. Это был последний резерв Жданова. Комсомольские бытовые отряды получили широкие полномочия от Ленсовета: они помогали одиноким и отчаявшимся людям, переселяли жильцов, организовывали эвакуацию населения, создавали специальные магазины, столовые для больных и изможденных людей (Славный путь Ленинского комсомола, 1974: 105). В один из дней блокадной зимы, когда отсутствие воды на хлебозаводе грозило

остановить выпечку хлеба, 2 тыс. юношей и девушек в 30-градусный мороз вышли на Неву, черпали из нее ведрами воду, передавали по цепочке к заводу, поднимали их на несколько этажей, чтобы выпекать хлеб — те самые «сто двадцать пять блокадных грамм» (там же).

Американский журналист Александр Верт, находившийся в Советском Союзе с июня 1941 г. по 1946 г. включительно, пишет в своей книге «Россия в войне 1941–1945»: «Вряд ли можно сомневаться в том, что ленинградская партийная организация сыграла очень важную роль в спасении Ленинграда; во-первых, она обеспечила максимально справедливое в тех невероятно тяжелых условиях нормирование продуктов; во-вторых, организовала широчайшую систему противовоздушной обороны в городе; в-третьих, мобилизовала население на заготовку дров, торфа и на другие работы; в-четвертых, организовала несколько “дорог жизни”» (Верт, 1967: 257).

Власть задавала энергию сложному механизму городского управления. Но каково было отношение к власти, которая, работая в экстремальных условиях блокады, выстраивала систему требований к коллективам и людям, которые жили и действовали в тех же условиях блокады, чаще всего на грани выживания? Ленинградская блокада показала, что люди доверяют власти тогда, когда поддерживаются управленческие и духовные коммуникации между ними и властью на уровне таких ценностей, как справедливость, ответственность, доверие. Справедливо ли вела себя власть и Жданов как глава этой власти тогда в блокадном Ленинграде?

Приведу здесь свидетельство Гаррисона Солсбери, английского журналиста, автора книги «900 дней: Блокада Ленинграда»: «Напряжение начало сказываться на Жданове и других руководителях. Эти люди, и гражданские, и военные, обычно работали по 18, 20 или 22 часа в сутки, спать большинству из них удавалось урывками, положив голову на стол или наскоро вздремнув на кушетке в кабинете. Питались они несколько лучше остального населения. Жданов и его сподвижники, так же как и фронтовые командиры, получали военный паек: 400 или более граммов хлеба, миску мясного или рыбного супа и по возможности немного каши. К чаю давали один-два куска сахара. При такой диете они худели, но не изнурялись, никто из главных военных или партийных руководителей не стал жертвой дистрофии. Но их физические силы были истощены, нервы расстроены, большинство из них страдало хроническими заболеваниями сердца или сосудистой системы. У Жданова острее, чем у других, проявлялись признаки усталости, изнеможения, нервного истощения» (Солсбери, 1993: 420–421).

Отношение людей к власти в блокадном Ленинграде лучше всего передает письмо Жданова Сталину от 9 июня 1942 г. в связи с тем, что Сталин тогда имел намерение (от которого он позже отказался) назначить Жданова начальником Главного политического управления Красной армии и флота. В первых строках этого письма Жданов пишет: «Считаю себя обязанным до решения вопроса о моей новой работе высказать те соображения, которые мешают мне с легким сердцем дать согласие на уход из Питера» (Гагиева, 2015: 31–36).

И далее он пишет о системе руководства, сложившейся в блокадном Ленинграде на протяжении последних десяти месяцев, и о своей роли как первого секретаря обкома и горкома партии и члена Военного совета Ленинградского фронта в этом руководстве: «У нас получилось так, что все руководство подтянуто к Воен-

ному совету. Трудности руководства здесь заключаются в том, что Военному совету приходилось и приходится бороться со всякими проявлениями партикуляризма, ведомственного рвачества, непрерывно направляя распределение людей и благ между фронтом, флотом и городом. Все блага делит Военный совет, невзирая на лица и учреждения, все средства и силы использует он же, невзирая на ведомственные претензии. Его слово — закон. Но если бы Вы знали, как при нашей ограниченности ресурсов и возможностей трудно решать эти дела, когда каждый тянет к себе. Распределить правильно продовольствие, горючие, сырье, электроэнергию, рабочую силу между отраслями войны и хозяйства обязан Военный совет. И вот поскольку это дело находится главным образом под моим присмотром, перевалить его на другие плечи очень трудно. Больше всего боюсь, как бы наши генералы, адмиралы, снабженцы, наркоматские работники... связанные сейчас крепким узлом, не разбились... и не ослабло бы это единое руководство. А в нем крепость нашей обороны. Здесь также надо быть постоянно бодрым, энергичным, постоянно находить пути борьбы с трудностями, подначивать, не давать унывать. При всех золотых качествах ленинградского народа приходится все время следить, чтобы никто не вешал нос на квинту, а элементов депрессии немало, в том числе и в активе, и они питаются затяжкой блокады. К тому же ленинградский народ и поиздергался, стал очень чувствительным. Допустим, всякое изменение выдачи продовольствия или даже замена одного продукта другим сразу воспринимается в свете нашего военного положения, блокады и пр. Поэтому приходится следить за тем, чтобы то, что достигнуто, все время оставалось на одном уровне. Эта чувствительность сказывается также на отношениях к руководству. Когда пару месяцев тому назад кто-то пустил по городу слух, что уехал Попков, это вызвало массу разговоров. Народ считает — раз руководители здесь — все в порядке. В этом отношении мой отъезд в такое горячее время может вызвать настроения неуверенности. Все это, вместе взятое, душевно меня очень волнует... Было бы очень больно, если бы на вас навалились дополнительные трудности по руководству Ленинградом...» (там же: 34: Электронный ресурс).

В этом письме Сталину Жданов во главу угла ставит нравственные ценности, которые ему как лидеру блокадного Ленинграда приходится постоянно реанимировать и поддерживать: *справедливость* («распределить правильно», значит, распределить по справедливости), *единство в руководстве* (единое руководство — «в нем крепость нашей обороны»), *постоянная энергия действия, борьба с депрессией* («надо быть постоянно бодрым, энергичным, постоянно находить пути борьбы с трудностями», «приходится все время следить, чтобы никто не вешал нос на квинту»), *ответственность* («народ считает — раз руководители здесь — все в порядке», «мой отъезд в такое горячее время может вызвать настроения неуверенности»).

Именно эти ценности, реанимацией и поддержкой которых Жданов занимался все время блокады, и обеспечили доверие «ленинградского народа» к власти. Жданов вводит новое понятие — «ленинградский народ», которое он трижды использует в письме, что не может понравиться Сталину. Но тем не менее Жданов подтверждает, что он имеет на это право как настоящий лидер блокадного Ленинграда, которого ленинградцы приняли и которому доверили свою судьбу. А из письма следует еще один важный вывод: если бы случился отъезд Жданова из Ленинграда в связи с новым назначением, то «ленинградский народ» расценил бы это, как уход

его от ответственности, как бегство с рубежа, как предательство им этого народа. Вероятно, Сталин это понял.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Культура сопротивления в блокадном Ленинграде была связана прежде всего с системой управления, сложившейся в городе в годы его блокады. Рассматривая эту систему управления с позиции теории самоорганизации, прежде всего приходим к выводу, что связь как взаимодействие между элементами системы играет большее значение, чем функционирование отдельных элементов системы. Организация связи между властью и коллективами людей на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях, научных институтах на основе выполнения определенных задач, а также взаимодействие людей внутри коллективов позволяли поддерживать людям жизненные силы и выполнять определенную работу.

Главным принципом культуры сопротивления становилось объединение людей в коллективы для совместного проживания, общего быта, общей еды, и в конце концов — общей работы: выполнение плановых заданий, исходящих от власти. Люди объединялись, чтобы выжить и выполнить поставленные властью задачи. Работа как часть самоорганизации, самоконтроль как выражение воли наиболее деятельных людей помогали выжить. Истории смертей в блокадном Ленинграде показывают, что у тех, кто был в коллективе — заводской бригаде, школьном классе, студенческой группе, научном коллективе, — шансов выжить было больше, чем у одиночек.

Энергию объединения в коллективы обеспечивала «ценная информация», которую транслировала власть, относя к ней идеологию патриотизма, ненависть к немецким оккупантам, веру в победу. В этом заключалась сила духа, что питала людей, пробуждала инициативу в организации жизни, стимулировала ответственность перед коллективом за ту работу, которую выполняли в условиях блокады.

Эффективность процесса самоорганизации в блокадном Ленинграде неразрывно была связана с деятельностью лидера, стоящего во главе этого процесса. В этом случае для лидера важно определить: лидером кого он является? Отсюда понятно, перед кем он несет ответственность. А. А. Жданов, как глава ленинградской партийной организации, как член Военного совета Ленинградского фронта, в целом как лидер блокадного Ленинграда, определил для себя, что он является лидером «ленинградского народа». Для него было важно, что он несет ответственность за город Ленинград и «ленинградский народ». Именно как лидер «ленинградского народа», «особого» народа, прошедшего с этим народом все годы блокады, он обладал определенной нравственной силой, позволившей ему выстроить действенную систему самоорганизации в блокадном Ленинграде. Нравственная сила его как лидера «ленинградского народа» определялась следующими факторами.

Во-первых, фактором бифуркации. Период устойчивого развития системы сменяется периодом кризиса и прихода в точку бифуркации, в которой происходит окончательный выбор лидером пути дальнейшего развития, определяющего эффективность процесса самоорганизации. Здесь на первом плане интеллектуальные качества и воля лидера, позволившие сделать однозначный выбор: «Ленинград не сдавать, Ленинград отстоять!»

Во-вторых, фактором ответственности. В управлении процессом самоорганизации лидер берет на себя всю полноту ответственности за результат процесса («на-

род считает — раз руководители здесь — все в порядке», смена руководства «в такое горячее время может вызвать настроения неуверенности»).

В-третьих, фактором цели и горизонта прогноза.

В-четвертых, фактором окружения лидера, в которое должны входить яркие, талантливые единомышленники.

В-пятых, фактором обеспечения единства в руководстве (единое руководство — «в нем крепость нашей обороны» (Жданов).

В-шестых, фактором постоянства энергии действия, борьбы с депрессией (Жданов: «надо быть постоянно бодрым, энергичным, постоянно находить пути борьбы с трудностями», «приходится все время следить, чтобы никто не вешал нос на квинту»).

В-седьмых, фактором социальной справедливости и определяемых ею интересов. В отношении лидера это значит не быть во власти ради власти, а руководствоваться общественными интересами, служением народу и Отечеству своему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адамович, А. М., Гранин, Д. А. (2020) Блокадная книга. М. : АСТ. 800 с.
- Верт, А. (1967) Россия в войне. 1941–1945. М. : Прогресс. 776 с.
- Голованов, А. Е. (2022) Дальняя бомбардировочная... Воспоминания Главного маршала авиации. 1941–1945. М. : Центрполиграф. 591 с.
- Запись переговоров по прямому проводу И. В. Сталина, наркома иностранных дел В. М. Молотова, наркома внешней торговли А. И. Микояна с главнокомандующим войсками Северо-Западного направления К. Е. Ворошиловым, членом Военного совета Северо-Западного направления А. А. Ждановым, членом Военного совета Северного фронта А. А. Кузнецовым, командующим Северным фронтом М. М. Поповым о создании Военного совета обороны Ленинграда. 22 августа 1941 г. (2019) // Оборона Ленинграда. 1941–1945. Документы и материалы / авт. вступит. статьи и отв. ред. А. К. Сорокин. М. : Политическая энциклопедия, 2019. С. 88–92. 735 с.
- Карпов, В. В. (1994) Маршал Жуков: Его соратники и противники в дни войны и мира: Литературная мозаика. М. : Вече: АСТ-ПРЕСС. 480 с.
- Малинецкий, Г. Г. (2024) Императивы развития России, стратегические вызовы и их преодоление в контексте самоорганизации: Наука. Образование. Война. Россия и Европа. Глобальные перемены и искусственный интеллект. М. : Ленанд. 344 с.
- Берггольц, О. (2010) Ольга. Запретный дневник. СПб. : Азбука-классика. 544 с.
- Павлов, Д. В. (1961) Ленинград в блокаде. М. : Воениздат. 198 с.
- Газиева, Л. Л. (2015) «При всех золотых качествах ленинградского народа приходится все время следить, чтобы никто не вешал нос на квинту...» // Военно-исторический журнал. № 3 (659). С. 31–36.
- Ржевская, Е. М. (1994) Геббельс: Портрет на фоне дневника. М. : Слово/SLOVO. 384 с.
- Славный путь Ленинского комсомола. Т. 2. (1974) М. : Молодая гвардия. 782 с.
- Справка П. С. Попкова о положении в Ленинграде в годы блокады. 6 апреля 1944 г. (2019) // Оборона Ленинграда. 1941–1945. Документы и материалы / авт. вступит. статьи и отв. ред. А. К. Сорокин. М. : Политическая энциклопедия. С. 620–638. 735 с.
- Солсбери, Г. (1993) 900 дней. Блокада Ленинграда : пер. с англ. М. : Прогресс : Литера. 608 с.
- Чернавский, Д. С. (2021) Синергетика и информация: Динамическая теория информации. 5-е изд. М. : URSS. 304 с.
- Число погибших в блокаду Ленинграда в 1,5 раза превысило официальные статистические данные (2022) [Электронный ресурс] // ИТАР-ТАСС, 3 октября 2022 г. URL: <https://tass.ru/obschestvo/15939867> (дата обращения: 12.09.2025).

Эренбург, И. Г. (2004) Война. 1941–1945. М. : АСТ и др. 796 с.

Дата поступления: 13.09.2025 г.

CULTURE OF RESISTANCE IN BESIEGED Leningrad
IN 1941–1944 FROM
THE STANDPOINT OF SELF-ORGANIZATION – SYNERGETICS
E. F. MAKAREVICH
MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

The paper attempts to analyse the culture of resistance in besieged Leningrad from the perspective of the theory of self-organization, the practice of which was implemented by the Soviet city administration from August 1941 to January 1944. Self-organization or synergetics as a theory makes it possible to use the systematic approach to analyse historical events and determine the effectiveness of managing social processes in a critical situation. The systematic approach implies an analysis of links between the elements of a social process, which gives the opportunity to reveal a whole new effect of management.

Keywords: theory of self-organization; synergetics; besieged Leningrad; synergetic factor; Ziegelmayer factor; leader's factor; Leningrad people

REFERENCES

- Adamovich, A. M., Granin, D. A. (2020) *Blokadnaia kniga*. Moscow, Izdatel'stvo AST. 800 p.
- Vert, A. (1967) *Rossiiia v voine. 1941–1945*. Moscow, Izdatel'stvo «Progress». 776 p.
- Golovanov, A. E. (2022) *Dal'niaia bombardirovochnaia... Vospominaniia Glavnogo marshala aviatsii. 1941–1945*. Moscow, Tsentrpoligraf. 591 p.
- Zapis' peregovorov po priamomu provodu I. V. Stalina, narkoma inostrannykh del V. M. Molotova, narkoma vneshnei torgovli A. I. Mikoiana s glavnokomanduiushchim voiskami Severo-Zapadnogo napravleniia K. E. Voroshilovym, chlenom Voenного soveta Severo-Zapadnogo napravleniia A. A. Zhdanovym, chlenom Voenного soveta Severnogo fronta A. A. Kuznetsovym, komanduiushchim Severnym frontom M. M. Popovym o sozdanii Voenного soveta oborony Leningrada. 22 avgusta 1941 g. (2019) // *Oborona Leningrada. 1941–1945. Dokumenty i materialy* / ed. by A. K. Sorokin. Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia, 2019. S. 88–92. 735 s.
- Karpov, V. V. (1994) *Marshal Zhukov: Ego soratniki i protivniki v dni voiny i mira: Literaturnaia mozaika*. Moscow, Veche: AST-PRESS. 480 p.
- Malinetskii, G. G. (2024) *Imperativy razvitiia Rossii, strategicheskie vyzovy i ikh preodolenie v kontekste samoorganizatsii: Nauka. Obrazovanie. Voina. Rossiia i Evropa. Global'nye peremenny i iskusstvennyi intellekt*. Moscow, Lenand. 344 p.
- Berggol'ts, O. (2010) *Ol'ga. Zapretnyi dnevnik*. St-Petersburg, Azbuka-klassika. 544 p.
- Pavlov, D. V. (1961) *Leningrad v blokade*. Moscow, Voenizdat. 198 p.
- Gazieva, L. L. (2015) «Pri vsekhn zolotykh kachestvakh leningradskogo naroda prikhoditsia vse vremia sledit', chtoby nikto ne veshal nos na kvintu...». *Voenno-istoricheskii zhurnal*, no. 3 (659), pp. 31–36.
- Rzhevskaiia, E. M. (1994) *Gebbel's: Portret na fone dnevnika*. Moscow, Slovo/SLOVO. 384 p.
- Slavnyi put' Leninskogo komsomola*. Vol. 2. (1974) Moscow, Molodaia gvardiia. 782 p.
- Spravka P. S. Popkova o polozenii v Leningrade v gody blokady. 6 apreliia 1944 g. (2019) In: *Oborona Leningrada. 1941–1945. Dokumenty i materialy* / ed. by A. K. Sorokin. Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia. Pp. 620–638. 735 p.
- Solsberi, G. (1993) 900 dni. *Blokada Leningrada* Moscow, Progress : Litera. 608 p.
- Chernavskii, D. S. (2021) *Sinergetika i informatsiia: Dinamicheskaiia teoriia informatsii*. 5th. Moscow, URSS. 304 p.

Chislo pogibshikh v blokadu Leningrada v 1,5 raza prevysilo ofitsial'nye statisticheskie dannye (2022) *ITAR-TASS*, 3 oktiabria 2022 g. URL: <https://tass.ru/obschestvo/15939867> (accessed: 12.09.2025).

Erenburg, I. G. (2004) *Voina*. 1941–1945. Moscow, AST. 796 p.

Submission date: 13.09.2025.

Макаревич Эдуард Федорович — доктор социологических наук, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Российская Федерация, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-51-51. Эл. адрес: edward.makarevich@mail.ru

Makarevich Eduard Fyodorovich, Doctor of Sociology, Director, Institute of Fundamental and Applied Research, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-51-51. E-mail: edward.makarevich@mail.ru